

И. В. Шкляр уточнила вопрос,¹¹ установив, что восемь из десяти начальных стихов этой подражательной сатиры (за исключением стихов 7—8-го) представляют собой контаминацию стихов из II сатиры Кантемира и его же перевода сатир Буало.¹² Подытоживая свой анализ, И. В. Шкляр пришла к следующему заключению: «Из всего этого следует, что неизвестный автор подражал Кантемиру — творцу II сатиры и переводчику Буало. Может быть, он знал оба источника. Но возможно и другое. До нас не дошла самая ранняя редакция II сатиры Кантемира... Э. И. Гершкович нашел раннюю редакцию I сатиры и убедительно обосновал необходимость существования такой же редакции и II сатиры. Нам известно о ней лишь то, что в ней не могло быть двустишия, содержащего намек на Георгия Дашкова. Но, кажется, в начальных стихах сатиры „На скупого человека“ сохранена часть этой ранней редакции».¹³

Как видим, исследовательница допускает две возможности: первая — подражатель знал оба источника (т. е. II сатиру и переводы из Буало) и сам их сконтаминировал; вторая — подражатель заимствовал готовое начало из недошедшей до нас наиболее ранней редакции II сатиры. Какой из этих возможностей исследовательница отдает предпочтение — неясно. Думаем, однако, что первая возможность менее вероятна. Переводы Кантемира из Буало, как об этом свидетельствует единственный дошедший до нас список,¹⁴ остались незаконченными и в силу этого не имели широкого распространения. Поэтому само знакомство подражателя с переводом из Буало — вещь мало вероятная. Но если даже допустить, что оно имело место, то придется сделать еще одно — не более вероятное — предположение: подражателю зачем-то понадобилось изъять из текста II сатиры весьма колоритные строки о Георгии Дашкове.

Иное дело допущение того, что цитированное начало из сатиры «На скупого человека» заимствовано подражателем из самой ранней редакции II сатиры Кантемира. В этом случае отсутствие в тексте намеков на Георгия Дашкова представляется не странным, а естественным и закономерным: к началу 1730 года, когда создавалась самая ранняя редакция II сатиры, эти намеки и не могли попасть в ее текст.

Естественной и закономерной представляется в данном случае также трактовка начала сатиры «На скупого человека» как контаминации стихов и из перевода III сатиры Буало и из II сатиры Кантемира в первоначальной редакции. Напомним, что сам Кантемир в «Изъяснении» к последней свидетельствовал: «Что же сатира сия разговором писана, то учинено с образца третьей сатиры Боаловой . . . .» (т. I, стр. 214). Если же Кантемир, создавая свою II сатиру, сознательно ориентировался на III сатиру Буало, вполне логично, чтобы он использовал ряд стихов и выражений, восходящих к его же переводу из французского поэта. Понятно также, почему начало сатиры «На скупого человека» ближе к переводу из Буало и содержит больше сходных с ним мест. Так и должно быть по логике вещей: самая ранняя редакция

¹¹ И. В. Шкляр. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира. В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 253—254.

¹² О принадлежности этого перевода Кантемиру см. там же, стр. 250—252; а также наши примечания в книге: «Антиох Кантемир, Собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 498—500.

¹³ И. В. Шкляр. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира, стр. 254.

¹⁴ ГПБ, Собр. Вяземского, F, СХХIX.